

Цена 15 коп.

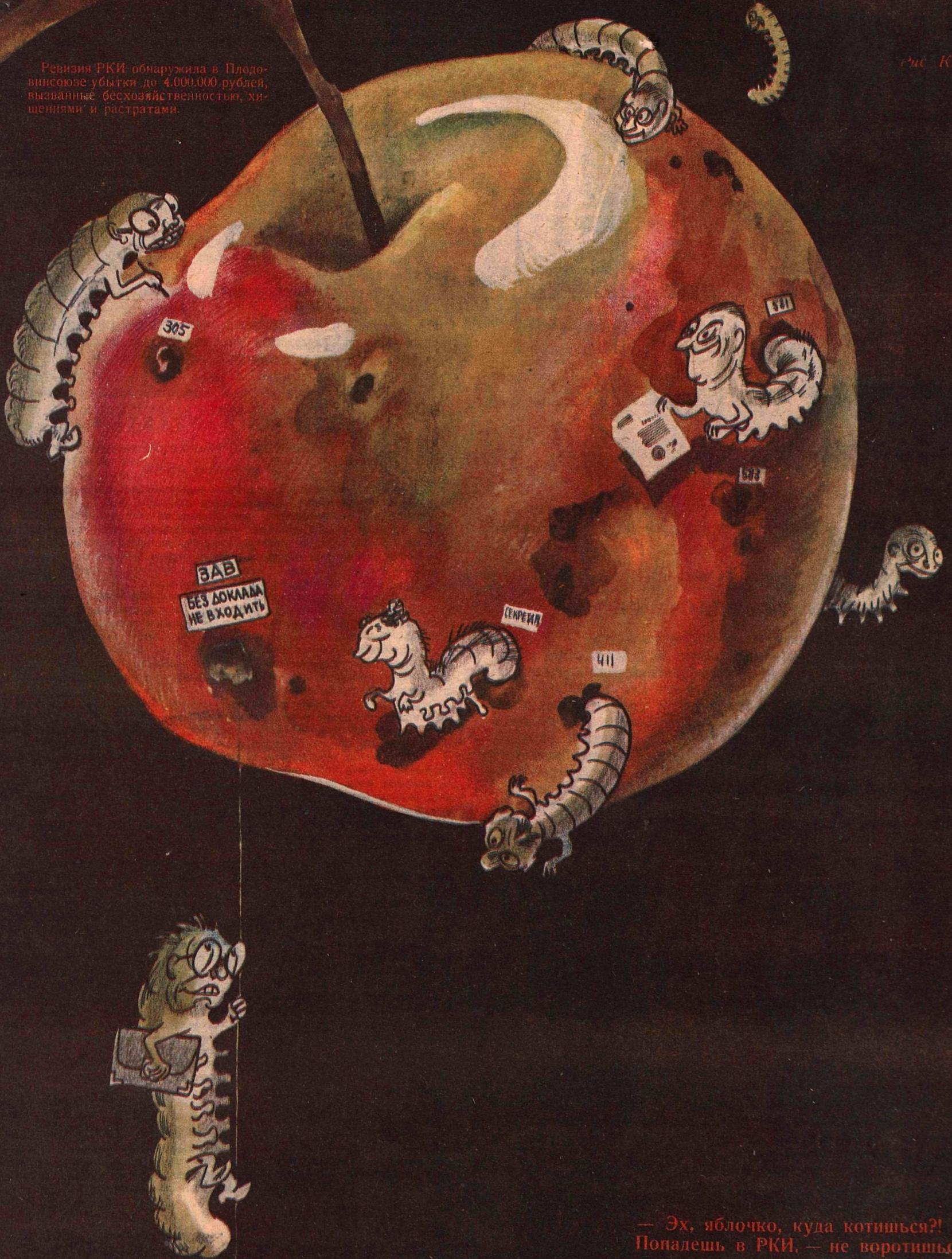
ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ
МОСКВА, ИЮНЬ 1928 г.

КРОКОДИЛ

№ 21

Ревизия РКИ обнаружила в Плодо-
винское убытки до 4.000.000 рублей,
вызванные бесхозяйственностью, хи-
щениями и растратами.

рис. К. Ротова

— Эх, яблочко, куда котишься?!
Попадешь в РКИ, — не воротишься.

НАПРАСНАЯ ТРЕВОГА

Рис. К. Емисева

— Ну, чего ревешь?! Не в клуб же иду, — в пивную. Цел останусь!

БЕСПРИСТРАСТНЫЕ

Под самым нашим городом — совхоз «Красная Задача» — величины преогромной и значения всесоюзного, убытки же в нем превыше довоенных, а беспорядки — масштаба мирового. Однако значение и размеры все превосходили, и деньги в тот совхоз вбухивали, как милые.

Между же прочим подошла и самокритика, а потому в местной нашей газете зашумели про совхоз «Красная Задача». Сначала сами поставили вопрос по своей, по редакционной линии, а потом и из совхоза писать начали в том же порядке самокритики. Но, как и полагается, называется «само» критика, а начали ребята других мотать и в первую очередь главного совхозного спеца Еремина: и саботажики, дескать, и спец липовый, мол, и вообще — контра, не говоря уже, что пьяница и развратник, что антисемит и прочие качества.

Газета, конечно, шумит до невозможности, и всеобщее ее мнение — снять. Начали прислушиваться к голосу, и в ГЗУ нашем вопрос тот поставили:

— А почему бы и не снять?!

Спасибо, агроном остановил такое постановление:

— А почему бы его вдруг снимать?! Не первый год сидит...

И верно, думают, — сидит-то давненько! Так и не решили. Запротоковали — «принять к сведению» да и ладно.

Газетная же кампания развивается, хотя и в пределах:

— Снять и снять!

Наконец, губисполком заинтересовался, зампред вызвал заведующего ГЗУ и спрашивает:

— Какого дьявола на самом-то деле?! Давно бы сняли!

Но заведующий взъеренился:

— Тебе просто: снять и никаких! А человек восемь лет сидит. Кто его знает, почему он сидит? Как же так — снять?!

— Ну, ладно! — говорит ему зампред: — раз так, то, пока Сергей в отъезде, надо комиссию от губисполкома и обследовать. Неудобно: газета кричит, письма от работников поступают, всеобщее мнение и голос, мы же — ни в рот ногой. Дашь представителя в комиссию!

Сергей же, надо вам сказать, председатель губисполкома и был в длительной командировке куда-то.

Назначили комиссию из пяти человек, чин-чином послали в совхоз «Красная Задача», материалы им дали все, какие следует, и внушили.

Приехала комиссия, — заведующего совхозом за бока:

— Что за история с этим самым Ереминым у вас?! Почему не сняли?!

— Не мною, говорит, посажен, не мне и снимать. А история, действительно, неважная...

И начал рассказывать все, что знает. Комиссия записывала, — три раза карандаши чинили, — вороха пописали. Наконец, опять спрашивают:

— Ну, как же он держится?! Почему же его до сих пор не сняли?!

— Не знаю, — жмет заведующий совхозом плечами. — Тут в прошлом году заезжал к нам на перекуты товарищ Сергей Бревнов — предгубисполком, сели на терраске чайку попить. Товарищ Бревнов интересовался совхозом, расспрашивали и меня и спеца нашего. И такое заключение прямо в лицо ему: «Такую сволочь, как ты, давно бы помелом гнать надо!». С тем и уехали...

— Позвольте, позвольте! — перебила его комиссия хором. — Значит, они с товарищем Бревновым на «ты»?!

— Как они с ним дома разговаривают, — не могу вам сказать, а здесь...

— Не спешите! Значит, он и на дому у товарища Бревнова бывает?! Гм... Что ж, товарищи?! Я считаю, что наше обследование закончено... Никаких больше вопросов нет?! Предлагаю заключение: «Вполне удовлетворяет своему назначению. Поднятая против него кампания основана на слухе». Подписывайтесь, товарищи...

С тем и уехали, то самое и в губисполкоме и в ГЗУ сообщили.

А приехал товарищ Бревнов, увидел как-то зав ГЗУ, вспомнил о совхозе «Красная Задача» и спросил:

— Когда ты этого Еремина выгонишь из совхоза?! Форменный же гад!

Зав ГЗУ рукой махнул:

— Не могу я, Сергей, против общественного мнения! Я бы давно выгнал, но... беспристрастная комиссия ездила, прорабатывала вопрос и решила, что парня надо оставить! Так и оставили.

Вл. Павлов.

ГИГИЕНА ПАРТАКТИВА

Научные очерки Савелия Октябрева

2. Распределение времени

Ничто не вредит так здоровью и самочувствию партактивиста, как неправильное, бессистемное распределение трудового дня.

Некоторые партактивисты, коих отнюдь не похвалю, поступают следующим образом: утром проводят режим экономии, затем рационализируют (или же пропагандируют рационализацию) производство, потом говорят о культурной революции, заседают в бюро ячейки, заходят по вызову в контрольную комиссию и т. д., и т. п. — и лишь вечером, покончив все текущие дела, предаются, наконец, здоровой самокритике.

Это неправильно, нерационально и вредно. Во-первых, вечерняя самокритика, распространяясь на дневную, уже проделанную работу, может признать ее неудовлетворительной и тем самым испортить работнику настроение. Во-вторых, сон после самокритики бывает беспокойным, и во сне может присниться партнеприятность. В третьих, ожидание столь тягостной процедуры, как самокритика, с самого раннего утра будет угнетающе действовать на нервную систему партактивиста и вредно отразится на всей его дневной деятельности.

Принимая во внимание вышеизложенное, настоятельно советую партактивистам обратный порядок дня: восстав от сна, немедленно предаваться деловой самокритике, затем умыться и причесаться, а остальные текущие дела перенести на последующие часы.

Самокритика, проводимая до работы, на свежую голову, будет наиболее здоровой. Кроме того, она не повлияет на предстоящие очередные дела. И, наконец, свою дневную деятельность отсамокритиковавшийся партактивист сможет развертывать спокойно и авторитетно, не самоподрывая своего престижа предвкушением грядущей самокритики.

За два часа до сна надлежит прекратить всякую умственную работу: это правило гигиены распространяется не только на партактивиста, но даже и на беспартийных сов-, проф- и коопработников. Но беспартийный работник оставшиеся два часа может посвятить употреблению спиртных напитков, вкупе с приятелями, игре в карты, любовному свиданию или бесцельному шатанию по бульварам: занятия не умственные, но коих партактивисту я отнюдь не порекомендую. Чтение газет или литературы, игра в шахматы, разгадывание ребусов или ссоры с супругою относятся к числу умственных занятий и также не могут быть рекомендованы на последние перед сном два часа. Ежевечернее посещение театров, помимо материальной затруднительности одного, может породить в сознании партактивиста культурную контрреволюцию. Наконец, отход ко сну на два часа ранее срока также не дает выхода из создавшегося положения, ибо чем же тогда занять два часа, предшествующие преждевременному сну?!

Выход однако же может быть найден.

Я смело советую партактивисту остающиеся до сна два часа загружать писанием каких-либо тезисов, составлением проектов резолюций и сочинением повесток дня. Эта работа, необременительная для ума и не сопровождаемая никакими т. н. «эмодональными раздражениями», дает необходимый отдых нервной системе партактивиста и обеспечивает ему спокойный, глубокий, безмятежный сон.

Беспартийный Савелий Октябрев.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. Почтенный автор очерков повидимому не вполне ясно представляет себе сущность самокритики и программу рабочего дня партактивиста. Здесь им, несомненно, допущены некоторые ошибки. Однако высокая научная ценность «очерков» заставляет нас печатать их без всяких поправок и изменений.

На нашем заводе организовалось общество по борьбе с алкоголизмом. Секретарем этого общества, как самого трезвого и так как я из конторы, выбрали меня.

На первом же собрании председатель нашего общества объяснил всем членам, что на обязанности каждого из нас, помимо противоалкогольной агитации, еще лежит индивидуальная обработка каждого алкоголика в отдельности. Предложение это было радостно принято всем нашим обществом. И тут же мы распределили между собой известных пьяниц нашего завода.

Мне попал слесарь Володя Модрачев — тридцати двух лет, женатый, пьяница довоенного уровня.

На следующий день, возвращаясь домой вместе с Модрачевым, я начал закидывать удочки:

— Алкоголь—яд, — сказал я. — Разрушает организм и дает плохое потомство.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он меня недоверчиво.

— Как откуда?! Об этом всем известно. Я тебе все расскажу!..

Я взял его за пуговицу, но он отшатнулся:

— Что же на ходу-то! Зайдем в пивную, посидим, потолкуем!

«Ладно, покажу на примере!» — подумал я.

— Пару! — крикнул Володя.

Мы чокнулись с ним. Я пил исключительно для того, чтоб Володя проникся ко мне большим доверием. После пива он заказал полбутылки лимонада, и мы опять чокнулись с ним. От лимонада у меня окончательно путались мысли, и я только помню, как меня Модрачев уговаривал:

— Не пей! Мое дело пропащее. А ты еще молодой. Не приучайся к этому делу: алкоголь—яд!

Общее собрание должно было состояться в понедельник в 7 часов вечера. За это время я пять раз ходил с Володей в пивную и один раз пили у меня на квартире.

Агитировал я его всяческими методами. Сидишь с ним, скажем, в пивной, а из кармана вынимаешь слепок—сердце алкоголика и сердце обыкновенного человека, или показываешь ему картинку, изображающую печеньки алкоголика.

Володя смотрит, смотрит на все эти штуки и, наливая пиво в стаканы, говорит печально:

— Себя мне не жалко! Людей вот с таким сердцем (хлопает себя по груди) и жалеть нечего. Но вот тебя мне жалко. Сопьешься ты и умрешь с гнилыми печеньками.

За это время мы очень подружились с ним. Только один раз было маленькое недоразумение, когда Володя заявил:

— Больше ни одной рюмки водки ты у меня не получишь!..

В тот день, когда должно было быть общее собрание, мы пили с ним с трех часов. В половине седьмого, вспомнив, что у нас собрание, я взмолился:

— Давай еще одну бутылочку раскоцаем, и я пойду.

— Не бойся, — сказал мне Володя, — я пойду вместе с тобой.

И, действительно, ровно в половине девятого он меня отвел на собрание. Мы пришли, когда еще никого не было. Но вскоре стали появляться известные на нашем заводе алкоголики. Почти каждый алкоголик вел под руку своего агитатора. Когда, наконец, все ввалились и пора было открывать собрание, то оказалось, что председатель еще не изволил притти. Мы его ждали час, пока кто-то не вспомнил и не крикнул:

— Ведь он обрабатывает Тимофеева.

И тут всем стало ясно, что сегодня председатель не придет, так как Тимофеев считался самым сильным алкоголиком на всем заводе.

После этого сообщения каждый алкоголик взял под руку своего агитатора и отвел домой.

Б. Левин.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КУРОРТАМ

2. Сочи—Гагры—Сухум

Если ваше железное здоровье поможет вам благополучно перенести все поездные удобства, то из Туапсе вы можете ехать дальше. Способы дальнейшего передвижения: пароход до любого курорта, железные дороги до Сочи, автобус от Сочи до Гагр и Сухума.

В день (вернее, раннее утро) вашего приезда в Туапсе, по большей части, идет обложной дождь: такой уж установился здесь обычай, и бороться с ним было бы безрассудно. Городок, и без того выдающийся среди всех остальных своей грязью, становится еще грязнее. Вам бы наплевать: не жить вы сюда приехали,—но ехать дальше вам хочется на пароходе, а пароходное расписание не имеет обыкновения согласовываться с железнодорожным. Вы начинаете сознавать всю пользу согласований и увязок, но делу это не помогает: приходится задерживаться на сутки среди ползучей грязи и ждать у моря парохода.

Остановиться мы рекомендуем вам в гостинице «Европа»: во-первых, она считается лучшей в городе, а во-вторых, никакой другой нет. Поезд приходит для чего-то и почему-то в пять часов утра. В «Европе» все еще спят. Вы стучите и звоните: через полчаса заспанный мужчина свирелого вида открывает вам двери и показывает номер, строго предупреждая:

— Один только и остался свободный. Четыре с полтиной.

Номер — такой, куда хороший хозяин в дождливую погоду собаки не выгонит, но что же вам делать? Вы занимаете его, требуете постельное белье и самовар. Белье вам приносит почти быстро, а насчет самовара заявляют:

— Что ж, это можно...

В ожидании самовара не возбраняется прилечь отдохнуть. Склоняясь к подушке, вы замечаете на наволоке чью-то засохшую кровь: не то больного человека, не то здорового клопа,—и опять зовете коридорного.

— Что ж, это бывает, — говорит коридорный:—вы переверните подушку другой стороной, там почище. А другого белья и нету сейчас: дожди, где его высушишь?

Делать вам нечего. Пробормотав про себя что-то неблагозвучное, вы напоминаете:

— Ну, а как самовар?

— Самовар-то? — говорит коридорный.—Забыл я совсем про него. Ну что ж, это можно: сейчас Марусе скажу.

Через час вы снова зовете коридорного (устно, потому что звонок оборван) и еще раз напоминаете про самовар.

— Что ж, это можно, — говорит коридорный.—Только Маруська-то в город ушла, а самовара не поставила. Ну, я сам поставлю.

Развлекаться таким образом вы можете до

самого вечера, но вам некогда: надо пойти за справкою о том, когда и какой отходит пароход и есть ли билеты.

Справиться об этом можно у трех компетентных лиц: у курортного агента, у агента Совторгфлота и у капитана порта.

Отважный путешественник смело передвигается по грязи из одной инстанции в другую и третью (для верности) и получает исчерпывающие ответы.

— «Жиляба» («Желябов») завтра пойдет, — авторитетно сообщает кур-агент.—Билетов, вернее всего, не достанете: пароход маленький.

В Совторгфлоте говорят:

— У нас еще нет сведений. Возможно, что «Франц Меринг» пойдет. Насчет билетов—как зам сказать?! Если много едет курортников, то не будет их, а если мало, то достанете билет.

Капитан порта долго смотрит на небо:

— Погода завтра будет замечательная. Пойдет «Игнатий Сергеев». Места будут: встаньте пораньше, часам к шести, вот и достанете.

Вооружившись всеми этими справками и указаниями, вставайте к восьми. Билет вы достанете даже после третьего пароходного гудка. Пойдет пароход «Чиерин». Погода будет отвратительная.

Неопытный, начинающий курортник, желая ехать, например, в Сухум, приобретает билет именно до этого пункта. Человек же с опытом, растративший на курортах много здоровья, сначала посмотрит на море: если оно волнуется, то билет надо брать только до Сочи.

В Сочи пароходной пристани и спокойной бухты нет. В Адлере, Гаграх и Гудаутах—тоже. Подходя к Сочи, пароход дает гудок—и идет своей дорогой дальше.

— Накат нонче сильный: остановки не будет!—сообщает кто-то имеющий власть.

Пассажиры, едущие в Сочи, произносят неудобные к воспроизведению в печати слова, беспомощно топчутся около своих вещей и с горя заболевают морской болезнью.

Опытный курортник, взявший билет до Сочи, но едущий в Сухум, радостно ухмыляется: его везут от Сочи бесплатно.

Но торжествовать ему еще рано.

— ...Бывает и так,—доносится до него голос еще более умудренного опытом гражданина:—надоть тебе в Гаграх или в Сухуме сходить, а пароход из-за прибоа не останавливается. Везуть тебя аж до Батума. Ну, хорошо: едешь ты в Сухум обратным путем из Батума, а море беспокойное, и опять пароход не останавливается. Везуть тебя, значит, обратным рейсом до Туапсе. Поехал ты из Туапсе снова, а море зашормовало, и опять-таки, стало быть, пароходу становиться нельзя: везуть до Батума...

(Продолжение в след. номере)

Никита Крышкин.

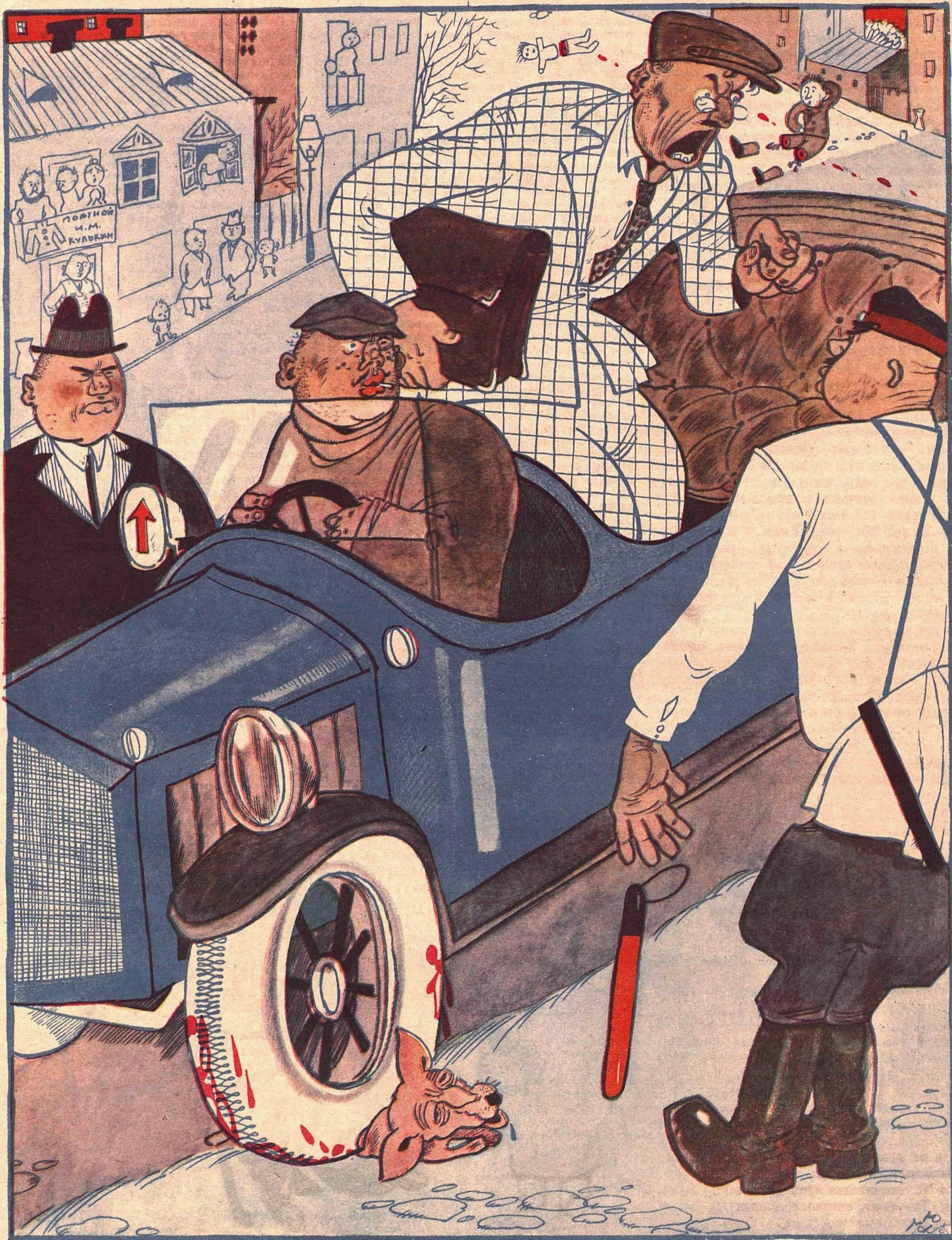
Рис. К. Е.

— Какой маленький, а на ногах крепко держится...
— Потому, голубушка, и держится, что маленький. Вон большевские-то уже не держатся!..

ВЕЧНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Постоянно вы мне палки в колеса вставляете!!!

Г А С И Т Е Л И

Рис. К. Елисева

НА СОРМОВСКОМ ЗАВОДЕ ЗА ДВА ДНЯ ПРАЗДНИКОВ ВЫПИТО СВЫШЕ 8.000 ВЕДЕР СПИРТНЫХ НАПИТКОВ.

(Из газет)

У ФОТОГРАФА

— Нет, придется вам переснять меня: этой карточки я не возьму. Нечего сказать, хорош я тут получился... Это не фотография, это... самокритика какая-то вышла...

УТЕШЕНИЕ

— Чего ты плачешь, мальчик? Кто тебя обидел?
— Отец избил-ил..
— А-а... Ну, не плачь: до культурной революции заживет.

Рис. В. Гин

Администрируйте умело!
Архив любое скроет дело.

Бюрократизм мешает жить.
Бумажке некуда спешить.

Власть порицать—смешно и странно!
Весьма нам критика желанна.

Главбух важней кассиров двух.
Госаппарат у нас распух.

Доклад для входа к заву нужен.
Докладчик критикой сконфужен.

Есть не трудящимся не след!
Епо закрыто на обед.

Жене рабыней быть не надо.
Жиркость торгует губпомадой.

Зане чины отменены,—
Зав, нач и пред почти равны.

Искусство—тоже просвещенье!
Инструкции полезно чтение.

Культурный нам потребен дух.
Критиковать возможно вслух.

«Лицо» от критики не скрыто.
Листов пятьсот к делам пришито.

Местком сменяется раз в год.
Мандат нам весу придает.

Налоги нэпману не шутка!
Нарпит—опасный друг желудка.

Отчет—не больше крымских гор.
Осинский строит Автодор.

Протекцию изгнать из моды!
Пишмашинистки—не уроды.

„ОБЩЕСТВЕННАЯ НАГРУЗКА“ ЧЛЕНА
ЛАВОЧНОЙ КОМИССИИ.

Расход растет быстрее смет.
Работать трудно без анкет.

Соцстрах не любит волокиты.
Совдурни и в церквях не биты.

Теа-печать у нас плоха.
Трест подчинен ВСНХ.

Уклон—на радость всем Европам!
Утечку любит завкоопом.

Фиск неприятен нэпачу.
Финчастью ведать я хочу!

Несколько букв в азбуке недостает, ибо
недостатки еще не изжиты.

С. О.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
МАССОВЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

«КРОКОДИЛ» ПЕЧАТАЕТСЯ
В 8 КРАСОК НА МАШИНАХ ОФСЕТ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА—55 КОП. В МЕСЯЦ
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № — 15 КОПЕЕК

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Москве: Главной
конторой „Рабочей Газеты“—Тверская, 8; райэкспедициями;
почтой и письмомосцами, справочным бюро МК; по
тел. № 53-41 или письмом на имя почты БЕЗ МАРКИ.
В ПРОВИНЦИИ: отделениями „Раб. Газ.“; почтово-теле-
графными конторами и контрагентами по распростра-
нению периодической печати.

НЕВОЛЬНОЕ

С Федюхиным разговаривать трудно. И по делам трудно, и вообще если по партийной линии — тоже не легко: не то зазнался человек, не то оторвался, — сразу-то и не разберешь. У Федюхина хоть и в уездном масштабе, а привычки столичные, — не говоря уж там об «без доклада» или «ты пришел к занятому». Разговор у него короткий и внушительный:

— Я вам, товарищ, сказал и перерешать не буду...

— Потрудитесь, товарищ, не дербивать...

— Товарищ, у меня для разговоров с вами лишнего времени нет...

— Дискуссировать, товарищ, будем в другом месте, а здесь потрудитесь слушать...

Так он и действовал по всем направлениям. Если же где и показывался, то — нос кверху и смотрит человеку не в глаза во время разговора, а в лоб и даже куда-то повыше, и взгляд у него оловянный в такое время. Это с партийными. А с беспартийными вообще разговора не было:

— Обратитесь, гражданин, к секретарю...

— Пора бы, гражданин, на одиннадцатом году революции знать, как и куда следует обращаться с ходатайством...

Сегодня товарищ Федюхин, пользуясь днем отдыха и считаясь с необходимостью показываться массам, со всей демократичностью сидел на бульварной скамеечке в теньку и читал центральную газету. Представители массы проходили мимо и скромно его приветствовали, в ответ на что он кивал не головой, а газетой.

Время, предназначенное для связи с массами, истекало, газета была просмотрена. Товарищ Федюхин строго посмотрел на природу, не ответил на поклон беспартийному гражданину и начал складывать газету. Перед его строгим взором мелькнула последняя полоса с объявлениями. Товарищ Федюхин глянул машинально, вздрогнул, посмотрел внимательно и радостно расплылся:

— Ну и ну! Молодчина, весь в меня.

— Здравствуйте, товарищ Федюхин! — провозгласил проходивший мимо активист завода «Ключ к социализму» Трошин.

Тут свершилось нечто стихийное и неожиданное: товарищ Федюхин ласково ответил Трошину и даже заговорил с ним:

— Здорово, Трошин! Подойди-ка ко мне, глянь, что Николка-то в Москве проделывает!

Трошин заинтересовался, заглянул в газету и вопросительно вперился в оживленную физиономию товарища Федюхина:

— Ну?!

— Да ты, товарищ, читай внимательно! — повысил голос товарищ Федюхин: — Как следует читай!

Струхнувший Трошин прочитал вслух:

— Большой кино-роман в трех сериях «Сын вождя»...

— Видал?! Сына моего, Николку, в кино засняли. В вузе учится. Читай дальше.

— ...Первая серия — «Вампиры»...

— Понял?! Теперь директиву дам, чтобы не было акул международного империализма, — раз в Москве вампиры, пусть и у нас будут они вампирами. Дальше вали...

Проходившие активисты, рядовики и даже беспартийные, видя такое необычное зрелище, как беседу с самим Федюхиным, остановились возле скамеечки и начали прислушиваться.

— ...Серия вторая — «Орел пустыни»...

— Понял?! Борьба в колониях, видимо: Алжир, Тунис, Индия. Дальше крой!

— ...Серия третья — «Смерть убийцы»...

— Тут, наверное, ошибка или в строку не влезло, — должно быть «смерть убийцам Карла Либкнехта и Розы Люксембург». Каков Николка-то, а?!

И с гордостью глянул вокруг.

— Товарищи! — привычно начал он, повысив голос: — в Москве сняли моего сына в картине моего имени «Сын вождя». Ясно, Николку засняли. В виду исключительной важности картины, приму все меры к тому, чтобы она демонстрировалась у нас. Вы все увидите, что в лице моего сына я подготовил себе, как руководителю, надежную смену. На сеансы будут допущены и беспартийные...

В скором времени картина действительно была выписана. Для ясности товарищ Федюхин приказал в афишах название несколько изменить, и фильм назывался уже попросту «Сын товарища Федюхина».

Зрители были крайне изумлены, увидев на экране каких-то индейцев с перьями, скачку на лошадях по пустыне, какую-то девушку, похищенную индейцем, и прочую ерунду. Товарищ Федюхин удалился со второй серии, а третью сняли по его письменному распоряжению. Два дня товарищ Федюхин никуда не показывался, а на третий дал директиву:

— Провести кампанию против иностранных фильм!

В. П.

СЛУЧАЙ С КРУТОВВЕРХОВЫМ

Случилось это с Крутовверховым в тот же день, когда он прочел в газетах о необходимости проверить свою работу в зеркале самокритики.

Вечером в кино Крутовверхов почувствовал первый приступ болезни.

На экране скакали лошади, какие-то люди, кто-то кого-то резал, потом до одурения ездили на автомобилях, кто-то плакал, кого-то били...

Крутовверхов почувствовал волну гневного протеста против этой тянучей галиматии. Казалось, еще минута—и он, не выдержав пытки, совершит какое-либо действие, предусмотренное уголовным кодексом.

Но тут в Крутовверхове проснулся двойник, желчный и ехидный:

— Послушай, Крутовверхов!—сказал он вполне отчетливо,—ты не можешь вынести, когда Совкино из тебя полтора часа жилы тянет, а сам ты дело Иванова второй год тянешь, Иванов же терпит! Посиди и ты тихо, смиренно, до конца сеанса и восчувствуй...

На другой день после сытного обеда Крутовверхов начал слушать концерт Радиопередачи и внезапно почувствовал себя так же скверно, как на кино-сеансе.

Рассвирепев, он хотел уже бросить трубки, как вдруг снова заговорил его двойник:

— Послушай концертник, послушай!.. Как анкету рассылать вопросов на 250, так это тебе не скучно, а как концерт послушать, так у тебя уже и сил нехватает.

Крутовверхов дослушал концерт до конца и слег на неделю. От нечего делать взялся за беллетристику, где его постигло новое испытание.

На тридцатой странице романа о половой морали он почувствовал острые приступы скуки и тошноты.

Неумолимый двойник был уже тут как тут:

— Читай, гадюка, читай до конца! Будешь в другой раз знать, как годовой отчет в двадцати томах сочинять!.. Кушай, родной мой, наслаждайся!

Крутовверхов дочитал роман, вскочил с кровати и, прокляв автора с царской фамилией, поехал к доктору.

Доктор внимательно выслушал Крутовверхова, обстукал его со всех сторон и поставил диагноз:

— Тяжелая форма невращения на почве общего переутомления... Необходимо курортное лечение в течение двух месяцев...

— Ерунда все это, — расхохотался крутовверховский двойник, — каждый год одна и та же песня. Переутомление, курорт! Перестань быть бюрократом, и все как рукой снимет...

Крутовверхов решил.

В тот же день с его кабинета была снята надпись «без доклада не входить», а один посетитель был принят после трех часов.

Через несколько дней странные припадки прекратились, и Крутовверхов, плюнув на свою болезнь, взялся за старое. Но когда он попытался сократить сотрудника за критику, двойник проснулся снова и с ехидным смешком сообщил:

— Ты думал, приятель, что это тебе «кампания»?.. Прошла неделя, и можно ее в архив сдать и к делу подшить. Шалишь, милочка! Тебе нужно раз и навсегда поставить крест на бюрократизме... Только тогда ты выздоровеешь.

Крутовверхов понял, что это выше его сил, расстроился вдребезги и в тот же день уехал на курорт в двухмесячную служебную командировку.

И. Амский.

Т И Х И Е

Первого мая саратовские профкультработники устроили детский утренник с раздачей подарков.

С раннего утра на подарки встала большая очередь детей. Самых маленьких матери держали на руках.

— Хватит ли подарков?—сомневались в очереди.

— Должно хватить...

— Поскорее бы. Васятка сомлел в мокрых пеленках...

— Переменила бы.

— Не захватила. Думала—скоро. А уйдешь,—потеряешь очередь.

— Ясно! Когда еще такое счастье подвалит! Вон сколько ящиков!

— Хорошо бы на платьице...

— А мне, тетенька, велосипед! Сказывали, велосипед есть.

— Тоже чего захотел—велосипед!..

— Обязательно! Вот увидишь!

К полудню пришла комиссия по раздаче подарков. Председатель сказал вступительное слово о политпросветработе, которое никто не слушал. Все думали о подарках.

— Ну-с, приступим, — потирая руки, сказал председатель. — Вы, кажется, первая,—обратился он к работнице с двухлетним карапузом на руках.—Пожалуйста, берите. Будьте добры!

— Чего же брать?

— А вот билетик из урны. Пусть малютка своей ручкой сам и возьмет.

Работница наклонила ребенка к урне.

— Бери, Мишенька, не бойся. Сейчас дяденька тебе даст подарочек.

Мишенька поглядел с опаской на профдядю и сцапал в горсть несколько билетиков.

— Нет! Нет! Мишенька! Только один! Ишь ты, какой?..

Работница отобрала у малютки лишние билетки и оставила один. «Хорошо бы коня»,—подумала она и развернула билет. На билете было написано: «Что такое дифференциальная рента?»

— Тут что-то другое,—сказала работница.

— Что же другое?—сказал председатель.—Позвольте, я посмотрю. Вам достался простой вопрос о дифференциальной ренте. Пусть мальчик ответит,—тогда он получит подарок. Скажи, Миша, что такое дифференциальная рента?

Миша обхватил ручонками мамину шею и уткнулся носом в грудь

— Он у меня стеснительный,—улыбнулась мать.—Вы ему дайте так. Без вопроса.

— Без вопроса нельзя. У нас такое условие: подарок получают только те дети, которые ответят. Это в целях политпросветработы. Значит, Мишенька, про дифференциальную ренту ничего не можешь сказать? Жаль! Нужно, брат, заниматься. Ну, что же? Следующий!

— А как же Мишенька?—испугалась работница.

— Поскольку он не ответил—не полагается. Не задерживайте, гражданка, очередь. Следующий!

— Да как же это, товарищи...

— Не задерживай! С утра стоим,—загадели в очереди.

Работница отошла. Следующей на очереди оказалась девочка лет шести.

— Мне куклу!—смело заявила она.—Чтобы закрывала глазки и говорила «мама»!

— Получишь, детка. Может быть, и куклу, а может, и плитку с судой. Бери, милая, билетик.

Девочка достала билет и передала его председателю.

— «Машинизация, как фактор концентрации и централизации капитализма»,—прочитал председатель.—Прекрасно! Ну, что ты нам скажешь про этот фактор?

— Я, дяденька, не знаю...

— Не знаешь? Ай, как стыдно! Такая большая девочка и не знаешь! Ну, машинизация—фактор. Понимаешь? В эпоху централизации... Понимаешь?

— Дайте, дяденька, куклу.

— Вот чудачка! Не ответила, а просишь. Тебе не полагается. Следующий! А ты, девочка, отойди.

Девочка внезапно заревела.

— Ну, уж вот это нехорошо! Нужно владеть собою. Следующий!

Через какие-нибудь полчаса детский плач и рев потрясли Саратов. Никто из ребят не смог ответить ни «о максимуме буржуазно-демократических реформ в сфере аграрной концепции Англии 19-го столетия», ни «о тактике реформистских профсоюзов в вопросе синдикарирования и локаута».

О неудачных результатах раздачи подарков было много разговоров. Председатель комиссии ссылаясь на слабую политподготовку детей и отрыв их от учебы. Саратовцы посообразительнее рекомендовали в будущем задавать вопросы полегче.

— Чего же легче?—возражал председатель.—Ну, какие вопросы будут легче?

— Мало ли... Можно, например, спросить: «Кто у нас в Саратове самый большой дурак?» На этот вопрос теперь каждый младенец ответит.

Этот вопрос, действительно, легкий.

Архип Гельцер.

ЗАБОТЛИВЫЙ РЕДАКТОР

Рис. К. Хомзе

РЕПОРТЕР:—Сегодня открытие вновь отстроенной столовой. Надо ли заснять наружный вид?

РЕДАКТОР:—Вновь отстроенной?! Конечно, надо: завтра же развалится, так пусть хоть снимок будет.

ОТДЫХ ОТ РАБОТ

Рис. Ю. Ганфа

ЛЕСОРУБЫ: — Слава те, осподи, праздничек и для нас придумали! Нынче „день леса“ отгуляем, а завтра уж, отдохнувши, за работенку...

ВИАРЫ В БОК

ЧЕЛОВЕК С МАСШТАБОМ

В Астрахани в недавно отстроенном доме на Центральной улице жильцы узнали, что такое дисциплина. Заведующий горкоммунотделом Петрулевич предложил коменданту дома запирать все уборные и службы и открывать их только на определенные часы пользования.

Мы советуем Петрулевичу не останавливаться на этом, а ввести всеобщее городское хождение в уборную по гудку.

Тогда имя тов. Петрулевича прогудит на весь СССР.

КОПЕЕЧНИКИ

На Александровской фабрике вулканизированной фибры случилось огромное несчастье.

Кусок мела упал на складе с полки и разлетелся на кусочки.

Немедленно была создана комиссия из трех человек с участием самого председателя фабкома Красильникова, которая составила пространный акт о случившемся.

Потом акт был препровожден директору, который учинил на нем соответствующую резолюцию.

Стоимость всего мела 8 копеек.

Итак, предфабкома, директор фабрики и еще два члена комиссии за целый день сэкономили советской власти 8 копеек.

Итак, средняя цена таких работников на круг две копейки!..

ГВОЗДЬ В СПИНУ

У нас любят шпынять общественность:

— Общественность спит, общественность дохнет, ни черта не делает!

А сами палец о палец не желают стукнуть, чтобы помочь сиротинишке.

В Ленинграде был случай, небольшой, но характерный.

Задумали во 2-й психиатрической больнице сотрудники устроить кружок военизации. Понадобился им фунт гвоздей. Просят администрацию, а пом. зав. Фильченко и пом. главврача Френкель отказали:

— Ни гвоздя не дадим!

А все почему? Потому, что люди в общественной работе не смыслят— ни гвоздя!

РАСТЯПИНСКИЕ КАРТИНКИ

(Растяпино, Ниж. губ.)

По субботам у нас происходит замечательные бега. Как только приедут рабочие с поездом, сейчас же бросаются наперегонки.

— Куда это они?

— Пожар никак!

— Где же горит?

— Не знаю! Бежим, Петька!

— Наддай, обгоню!

— Шалишь!

— Дяденька, где горит?

— Вот тут, браток! Тут горит!

И ударяет при этом себе в грудь.

Оказывается, „горит душа“. А бегут рабочие к винной лавке, поскорее занять очередь.

ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ

До режима экономии заводоуправление Окуловских фабрик предоставляло рабочим бесплатно коммунальные услуги. С проведением режима экономии коммунальные услуги были отменены. Рабочие сказали: «Ладно». Но когда заводоуправление стало высчитывать за патроны без выключателя 66 коп. вместо 30 коп., за предохранительные пробки 73 коп. вместо 15, тогда рабочие сказали: «Неладно»,—и обратились за разъяснением в заводоуправление.

— Почему это вы, дорогие товарищи заводоуправленцы, норовите стянуть с рабочего на 150—200% дороже трестовских цен Ленинграда?

— А потому, милые товарищи, — отвечали заводоуправленцы, — что мы вас очень любим, и каждая копейка ваша для нас очень дорога. И потом, с кого же другого, как не с вас?! Вы люди свои. А с чужими связешься, — они, благодарные, еще в РКИ пожалуются.

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

Урвать, попользоваться, присвоить, — вот стремления кое-каких типов.

Прислали в ячейку Осоавиахима при фабрике „Солидарность“ винтовку с патронами.

Зав. клубом Богатов, директор Васильев и предфабкома Беспалов, вместо того, чтобы сдать посылку по адресу, открыли в помещении клуба стрелковые состязания.

В результате пальбы попали в голову одному посетителю.

Стрелки меткие! Интересно узнать: попадут ли они в контрольную комиссию?

ПРЕД ВИНОВАТ

Не всякий пред предусмотрителен.

А вот предправления Ридеровского ЦРК, Устькаменногогорского уезда, предусмотрителен до чрезвычайности.

Взял да и заготовил 2.000 ведер вина.

Никаких товаров в кооперативе нет, кроме вина. За мукью очереди по километру.

— Зачем же вы столько вина заготовили?

— А как же?. Других товаров зато мы не заготовили. Теперь запыет наш потребитель. Будьте покойны.

Действительно, запьешь!

СТРАШНАЯ КАРТИНА

Жутко вечером в Макеевке.

Около самого клуба труболитейного завода слышен потрясающий вой.

— Никак шакалы, братцы?

— Ветер вое!

— Какой ветер! Рыдает кто-то!

— Да это вроде как из клуба...

— А ведь и правда!

Действительно—страшный вой и рыдания шли из клуба. Там выд и плакала громкоговоритель, на который ухлопали около трех тысяч.

Плакали клубные денежки!

ГОРЕ-РЕВИЗОРЫ

(Поселок Савино, Владимирской губ.)

— Откройте библиотеку!... Довольно вам там копаться,—кричат рабочие.

Ни ответа, ни привета.

— Сколько же ревизия должна продолжаться? Ведь библиотека уже две недели закрыта!?

— Тс-с-с, товарищи, не мешайте ревизовать!—

Завклубом выходит на цыпочках...

— А скоро они, черти, ревизию кончат?

— Не знаю, товарищи, сейчас Конан-Дойл подкакивают, за Майн-Рида берутся...

— У-у-у-у!..

— Ничего, товарищи, потом только Пантелеймона Романова обследуют, и откроем...

В клубе им. тов. Фрунзе воцаряется мертвая тишина... Ревизионная комиссия продолжает работу...

ВЕРХ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

С легкой руки своего родственничка, зав. здравотделом Морозова, гр. Зубков устроился завхозом в гинекологическом институте в Свердловске.

Зубков немедля за казенный счетик отремонтировал себе квартиру, присвоив мебель и бельишко с прежней своей службы в детбольнице. Купил, конечно, и экипаж за 700 рублей, а затем и полурессорную колясочку.

Последнее приобретение сделано с явным учетом скорого выезда из института.

КТО НЕ ТРУДИТСЯ...

Долго думал отдел труда автономной области Коми, как праздновать рождество: по старому стилю или по новому.

Думал, думал и постановил: праздновать по старому (постан. № 11 от 12—ХП—27).

Отпраздновали рождество по старому (7 января).

После праздника в отделе труда всполошились:

— Позвольте, что за безобразие, праздновать религиозные праздники по старому?! Долой! Давайте праздновать по новому!

Думали, думали и постановили: праздновать по новому (постановление от 7 апреля 1928 г.).

Таким образом трудолюбивые работники отдела труда собираются в 1928 году праздновать рождество дважды: 7 января и 25 декабря.

Жалко, что нет третьего какого-нибудь стиля. Во-первых, отдел труда устроил бы третье рождество в этом году и, во-вторых, мог бы еще одно постановление издать... Все-таки, как никак, работа!..

КОРОВИЙ ГОРОД

Был я недавно в Аткарске.

Там на Революционной улице меня корова смазала хвостом по физиономии.

— Что же это, граждане?—спрашиваю я у жителей.—На каком таком основании у вас коровы гуляют на тротуаре, а не на улице?

— Корова—тварь умная,—ответствуют аткарцы,—она понимает, что по нашим улицам не только корова, но и сам чорт ноги переломает.

— Надо ремонтировать.

— Эх, милый! Ремонтировали! Летось мост ремонтировали: строили, строили, а весной поглядели — нет моста. Кто виноват—не нам судить.

— А зачем же вам судить? На это есть специалисты—судьи, прокурор...

Аткарцы посмотрели на меня с сожалением, и я поспешил уехать из города, так как очень боюсь бодастых коров, разгуливающих по тротуарам.

Евсуд.

„ЕСТЬ У НАС ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ“

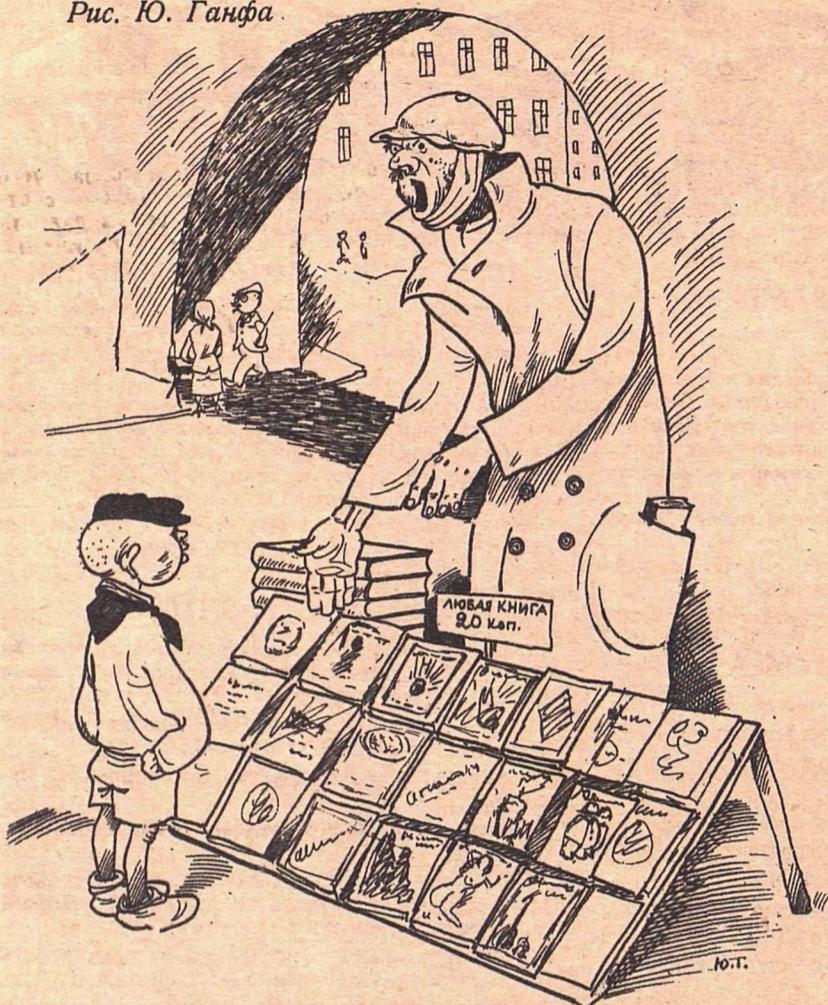
Кабардинцы жалуется на энциклопедический словарь-справочник, изданный издательством „Прометей“. В этом справочнике сказано: „В большинстве кабардинцы занимаются садоводством—виноделием, развита нефтяная промышленность. Главный город Нальчик является одним из 3 крупных нефтяных центров“.

Кабардинцы возмущаются: „Как можно заниматься виноделием, если у нас в области нет садов-виноградников, а про нефть мы тоже впервые слышим?“

Экие вы неблагодарные, товарищи кабардинцы. Так легко отделались, а еще недовольны. Ведь те же составители этого словаря могли и так написать:

„В большинстве кабардинцы занимаются блохободством. Главный город Нальчик является одним из крупных центров крысиного помета“.

Написали бы и крышка. Ибо, как говорится,—что написано топором, то не вырубится пером.

— Рой, копай до дна,—цена везде одна: 20 копеек. Полные развратные похождения Гришки Распутина...
— А у тебя, гражданин торговец, для взрослых есть что-нибудь?! Это уже мне надоело!

„НАМ НУЖЕН ПАРТИЙНЫЙ УБОРЩИК!“

Комчанство, друзья, большой чирый на наших стальных рядах! Об одном комчане рассказывают, будто вышел он с поезда на платформу и спрашивает начальника станции доверительно:

— Вы партийный?
— Да. А что?
— Скажите, где здесь уборная?
Это, конечно, сказание.
А я вот лично знаю другой случай, много почище.
Был у меня один знакомый комчванище, по фамилии Молодаечкин. Попал он в прошлом году в один захудалый дом отдыха, где была только одна беспартийная бражка.
Ходит по двору Молодаечкин. Нос вверху задрал.
— Небом любитесь, что ли? — шепчется бражка.
— Нет. Партийный!
Однако после обеда почувствовал тов. Молодаечкин надобность узнать, где находятся удобства. Но кого первоначально ни спросит тов. Молодаечкин о партийности, все оказываются бражкой.
Мучается парень, а терпит.
На другой день слег в постель. Пришел доктор. Пощупал живот.
— Надо принять слабительного.
— Стыдитесь, гражданин спец!—гордо ответил тов. Молодаечкин.— Мы должны крепить свои стальные ряды. Разве можно партийному борцу давать слабительное?
— Необходимо. Вы можете серьезно заболеть.
— Ну что ж! Умру, но не ослабну!
На третий день тов. Молодаечкин почувствовал себя совсем неважно.
— Везите меня в город! — потребовал он.
— Ну, как же вас везти, товарищ Молодаечкин, в таком положении? У вас может случиться заворот кишек.
— Везите немедленно! Пусть заворачиваются. У вас тут умрешь и красной материи не найдется. Есть у вас красная материя?
— Найдем, товарищ Молодаечкин. У моей жены есть красный сарафан.
— С цветочками?
— Да. С желтенькими.
— С цветочками не годится! Да еще с желтенькими. Да и музыки нет. Я без музыки хорониться ни за что не согласен. Везите в город. Я буду жаловаться.

Ну, видят, что человек собирается жаловаться, — повезли. Не доезжая города, тов. Молодаечкин пал жертвою комчанства. Так бесславно и умер тов. Молодаечкин.
Случай этот неумолимо указывает на необходимость одного важного мероприятия. В каждом доме отдыха следует иметь хотя бы одного партийного уборщика, к которому комчваны и обращались бы в затруднительные моменты своей жизни за нужной справкой.

Е. Каменьщиков.

ПО ЗАКОНУ

(Печальный факт)

— Постучи, братишка, еще раз!.. Скоро поезд, а он дрыхнет!!
— Да что стучать даром?! Обозлится кассир и еще дольше открывать не будет!..
— Стучи, браток, не слушай эту несознательную гражданку, теперь не Николая кровавого власть...
Доска, прикрывающая окошко билетной кассы на ст. Талдом, Московской губ., трещит под ударами кулаков, но не поддается.
— Кассир пьяный, должно быть,—басит кто-то,—вчера его вечером в пивной встретил...
— А нам что, легче от этого? Отпирай, ирод!..—гудит толпа.
Издали доносится свист паровозной сирены...
— Да что ж это, братцы, такое, неужто останемся?!—голосит молочница.—У меня все молоко скиснет, кто мне платить будет?!
— Дашь начальнича!!.. Безобразия!! Изнадевательство над трудящими!!..
Колотят теперь не только кулаками по окошку, но и сапогами по стенке кассы.
Канонада по кассе тонет в грохоте подходящего поезда.
— Остались, ребята, ей-богу остались... Валим к начальнику, товарищи... Во главе с парнем в кожаной куртке толпа бросается к начальнику станции.
— Товарищ начальник, что за безобразие, весь народ от поезда отстать должен из-за вашего кассира проклятого!!.. Мы жаловаться будем!!.. Доберутся до вашего брата!!
— Граждане, прошу не нарушать тишину! Я сейчас занят... Видите, поезд отправляю!.. Жалобы буду принимать только после отхода поезда...
— Бюрократ!!.. Чорт знает кого из себя корчит!!.. Когда поезд уйдет, ты нам не нужен!
Волнение в толпе переходит в панику.
Раздается третий звонок. Толпа бросается врассыпную...
Наиболее отчаянные кидаются в вагоны без билетов.
Свисток... Поезд трогается... Молочница вдруг решается и кидается к вагону.
Сплотывается и роняет бидон. Он опрокидывается...
Поезд увозит рыдающую молочницу. Со ступеньки вагона струйкой сбегает парное молоко...
Начальник невозмутимо поворачивается на каблуках и уходит в свой кабинет.
Отставшие от поезда устремляются за ним...
— Дашь жалобную книгу!! Проучим тебя, чтоб над народом зря не надевался!!
Начальник долго копается в одном шкафу, потом в другом, потом закрывает шкафы и начинает копаться в письменном столе...
Наконец, он вытаскивает потрепанную порывевшую книгу и молча протягивает ее жалобщикам.
— Закон на вашей стороне... Пишите! Пожалуйста!..
Толпа отходит в сторону. Один садится за стол, другие окружают его тесным кольцом. Начинается сочинение жалобы.
Начальник задумчиво сидит за своим столом и вертит в руках увядший лавдыш...
— Все напиши, и про кассира, и про начальника-мучителя, — прорывается старуха.
Когда составление жалобы подходит к концу, начальник встает и медленно невозмутимо подходит к толпе.
— А сейчас поезд баластный прибудет... Могу всех отправить... Все быстро оборачиваются к начальнику...
— Пожалуйста, родименький, век за тебя молиться буду!—выскакивает та же старуха.
— А только закону такого нету, чтобы на баластный поезд пассажиров сажать,—задумчиво продолжает начальник.—Вот вы жалобную книгу по закону требовали. А теперь просите, чтоб я закон из-за вас нарушил. Да ладно, я человек не злопамятный... Жалобу похерьте, а я вас на поезд посажу...
В толпе замешательство... Кто-то пытается протестовать. Но его заглушают дружные крики:
— Ладно, черкай!! Лишь бы доехать!.. А ну их к лиху с жалобами!!
Жалоба торжественно зачеркивается, книга водворяется на место, а толпа высыпает на платформу.

★

Баластный поезд подходит к станции, и толпа рассыпается по вагонам. Невозмутимый начальник подмигивает старшему кондуктору и говорит ему что-то на ухо.
Кондуктор бежит вдоль состава и с помощью бригады начинает вылавливать безбилетных.
— Нам начальник позволил!!—негодуют пассажиры.
— Мало что позволил... Закона такого нету! Никаких прав не имеет!!
Пожалуйста, граждане, в контору, по рублю штрафа приготовьте!..
Негодование достигает своих пределов. Пассажиры с громкими криками кидаются к начальнику.
— Вот, сволочь, подумайте только, какая сволочь!—вопит кто-то.
— Товарищи, я здесь ни при чем,—встречает их с злобной улыбкой начальник.— Я всей душой рад вам помочь, да вот старший кондуктор не согласен...
— Граждане, приготовьте по рублю штрафа!—возглашает жирный главный кондуктор,—а то через суд в пятикратном взыщете!..
Нечеловеческий мат, вырвавшийся из пассажирских глоток, виснет в воздухе, но он заглушается грохотом отходящего баластного состава.

Ипа.

НЕ ЗАБУДЬТЕ!

В Кадиевке (Донбасс) осенью прошлого года была выстроена рабочая поликлиника.

В торжественный день открытия долгожданного здания многие кадиевцы с женами и детьми пришли любоваться своей больницей.

— Вот потолки... Видите, какие замечательные потолки,—хвастались строители поликлиники.—Это—вентиляторы. Все работают и в исправности. А вот водопровод. Блестит!

Строили по последнему слову зарубежной техники.

Кадиевцы ахали и соглашались:

— Что и говорить, больница на-ять... Замечательная больница!

Неожиданно трехлетний мальчишка, присутствовавший тут же со своей матерью, категорически заявил:

— Мама, мне надо.

И мать повела его по длинным коридорам больницы в поисках уборной. Но напрасно. Ни в одном дальнем углу здания не оказалось уборной. Мальчишка нервничал. Мамаша подбежала к одному из строителей и спросила:

— Дорогой товарищ, скажите скорее, где тут у вас уборная?

— Уборная?—переспросил строитель,—какая уборная?

— Да такая, обыкновенная. Ну, знаете...

— А-а... уборная,—сказал протяжно строитель, как бы что-то вспоминая.—Нет у нас уборной. Вот чего нет, так действительно нет. И водопровод есть, и электричество, и вентиляторы, и вешалка, а вот уборной нет. Забыли про нее. Из головы выскочило...

Мамаша не стала слушать дальнейшие оправдания строителя и поспешила как можно скорей со своим сыном покинуть больницу. Вскоре и взрослые кадиевцы, пришедшие любоваться своей поликлиникой, заинтересовались: где тут у вас уборная? На что строитель уже более нервно отвечал:

— Опять двадцать пять. Нет у нас уборной. Нет! Да что вы пристали—где уборная, где уборная!..

Сейчас кадиевцы жалобно пишут к нам в редакцию о своем безысходном горе:

— И даже близко кругом нет никакого места для этой необходимой цели... И вот больше заходят за угол здравницы. За одним углом—мужчины, за другим—женщины. А сейчас настала весна, и мимо нашей больницы здоровому человеку нет никакой возможности пройти. Вон ужасная...

Сейчас настала весна, и строительный сезон во всех городах СССР в полном разгаре... От имени миллионного населения умоляем строителей:

— Дорогие товарищи, не следуйте примеру зазнавшихся кадиевских строителей и не забудьте об уборных. Они так же необходимы нашей стране, как воздух, как вода, как толковые и умные строители.

П. Б.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

СТРОГИЙ ПРАВ

Ужасно строг начальник терского исправдома товарищ Князев. Недавно он начальнику кисловодского уголовного розыска написал:

Одновременно с сим направляется в ваше распоряжение заключенный вверенного мне исправдома Н. Н. Статютов в запечатанном конверте.

Интересно, за какой проступок заключенный подвергся такой строгой изоляции?

ОМОЛОЖЕНИЕ ПО-КИРСАНОВСКИ

Большую сумятицу в население внес кирсановский уздав. Им по городу развешено объявление о порядке оспопрививания, в котором между прочим сказано:

Предохранительные прививки должны получить: 1) все родившиеся в течении первого года жизни и 2) все вторично достигшие возраста 10—11 лет.

Теперь кирсановцы не знают, итти им на прививку или нет, так как не все уверены, родились ли они на первом году своей жизни. В одном лишь не сомневаются опекаемые, что кто-то в уздаве вторично достиг 10—11 лет.

НЕ СКРОЕШЬСЯ

Всякая, даже и полезная деятельность должна знать меру.

Новороссийские профработники, к сожалению, ее не знают.

Рабпрос завалил свои месткомы и группкомы бумагами. Да так, что и не найдешь их теперь.

В результате такого несчастья пришлось издать особый циркуляр.

Настоящим Черк. окр. правление союза рабпрос просит сообщить адреса, где помещаются ваши МК и ГК, часы и дни приема, кроме того, просим сообщить фамилии лиц, кому можете давать бумаги, направляемые от союза.

Зам. предправления: Кусков.

Техсекретарь: Славин.

Месткомы и группкомы, говорят, от последней угрозы сбежали в горы.

Издательство „Рабочая Газета“—Москва, Тверская, 3.

Ответственный редактор К. МАЛЫЦЕВ.

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ

БЛИЗОРУКОСТЬ

Удивительная близорукость потребителей Риддеровского рабочего кооператива. Сгноил кооператив 20 бараньих туш, закопал их на скотском кладбище,—сейчас же кричат: баранов нет! А на самом деле их сколько хочешь! Стоит только поближе присмотреться к правлению кооператива.

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ИДИОТЫ

Рудники Артемовского рудоуправления снабжает паклей трест «Дальуголь». Снабжает не регулярно, из-за чего получают перебой в работе. Хозяйственники рудоуправления, зная, что пакля на месте стоит 5 рублей пуд, а доставляемая трестом (кстати и более низкого качества)—14 рублей, решили проявить инициативу и закупить для рудоуправления более дешевую и лучшую по качеству паклю. Хозяйственники гордились—сэкономили 918 рублей. Но об этом узнал коммерческий директор «Дальуголя» тов. Рибин и рассвирепел:

— Они там с ума сошли! Не согласовав вопроса с трестом, осмелились сами закупать паклю. Да еще дешевле на 9 рублей! Да еще лучшую по качеству! С ума сошли!

И предписал рудоуправлению прекратить это безобразие, иначе «Дальуголь» будет вынужден принять репрессивные меры, вплоть до снятия с работы...

Правильно сказано: «подчиненный, не будь умнее начальства». Но, ах как трудно, ах как трудно быть глупее начальства из треста «Дальуголь».

БЕЗБОЖНЫЙ ВЕРЗИЛОВ

У сенилеевского партийца тов. Верзилова имеется очень своеобразный способ борьбы с религиозным дурманом. Он велит женщинам снимать кресты с шеи, а если несовзятельные женщины не исполняют его безбожного приказа, то сам лезет к ним на павуху и хватает все, что попадется...

Большой шутник тов. Верзилов. Все женщин за кресты щупает... А его никто. Пощупала бы его КК, что ли...

ТРУБА—ДЕЛО

Правление Нефтеиндиката СССР нельзя упрекнуть в беззаботности о своих отделениях. Оно, например, послало в Астрахань 5 ватнов труб для использования по проводке. Трубы оказались не нужны, и их отослали обратно за 2 тысячи верст.

Тяга этих труб оказалась не маленькой! Из кассы Нефтеиндиката вытянуто 3 тысячи рублей. С чем мы и поздравляем! Этак недолго и вылететь в трубу...

ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД

В Самарканде, по сообщению газеты „Правда Востока“, учителя начальных школ приравнены к лицам физического труда при посылке на курорты.

Это, конечно, правильно.

Но вот несколько ниже в этом же номере читаем другую заметку:

Учитель Заиров из калай-чербакской школы палкой, гулявшей по плечам и головам малышей, объяснял географические азы, палкой вбивал в головы учеников таблицу умножения. Тот же Заиров с ружьем охотился за мальчиком, не пришедшим в школу на урок.

Работа палкой—тяжелая, конечно, работа, физическая работа, но лечат переутомление от такой работы отнюдь не на курортах, а в ближайшем допре. Так что на Заирова постановление о льготах распространять не следует.

ПОДРЫВ ЗДОРОВЬЮ

Чиновники из калузского губздрова сидели и думали, что бы такое сочинить.

— Стихи попробовали писать... Не вышло.

Написали рассказ... Не поместил.

Разозлились чинуши и начали циркуляры писать. Эти никто не забракует... Своя рука владыка! Для разнообразия они иногда вместо циркуляров сочиняют анкетку.

На-днях разослали на каждого работника всех лечебных учреждений Калуги анкету в 12 вопросов, на девять из которых имеются ответы в трудовых списках сотрудников.

Нехорошо, что учреждение, заботящееся о здоровье населения, угнетает своих же работников анкетами.

Ведь последние научные наблюдения показали, что анкета является одним из наиболее сильных возбудителей неврастения среди трудящихся...

200 ВЫИГРЫШЕЙ БУДЕТ
РАЗЫГРАНО В БОЛЬШОЙ ЛОТЕРЕЕ
„РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 3 мес. получат 2 лотерейных билета. Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 6 мес. получат 4 лотерейных билета. Подписавшиеся на 2-е издание с 1-го июня на 12 мес. получат 10 лотерейных билетов.
РОЗЫГРЫШ СОСТОИТСЯ В СЕНТЯБРЕ 1928 Г.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
2-ГО ИЗДАНИЯ
„РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

2 ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“
3 МЕС.—3 Р. 30 К., 6 МЕС.—6 Р. 60 К.
12 МЕС.—13 Р. 20 К.

Рис. Д. Мельникова

— Зачем вы столько чернорабочих поняняли?! Накладной расход ведь?!
— Кто их нанимал: тут и ребята фабзауч покончили, и на практику каких-то попрыскали, — вот и пустили мы их двор убирать...